

ЗВУК И ТЕЛО (К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ)

Яворская Галина Михайловна,

д-р филол. наук, проф.

Национальный институт проблем международной безопасности при РНБОУ

В статье рассмотрены некоторые вопросы языковой концептуализации телесных ощущений в рамках "звуковой" метафоры. Сопоставляется семантика звуковых предикатов, использующихся для передачи ощущений физического дискомфорта в нескольких близко- и отдаленно-родственных языках (украинском, польском, сербском, хорватском, французском, хинди).

Ключевые слова: когнитивная семантика, воплощение, концептуальная метафора, глаголы звука.

1. Вступление (телесный опыт и его роль в когнитивно-семантическом описании).

Средства языковой концептуализации телесного опыта человека в последнее время являются предметом пристального внимания исследователей, работающих в когнитивно-семантическом ключе. Понятие "воплощение" (embodiment), наряду с понятиями прототипа, метафоры и метонимии, ментальных пространств и т.п., принадлежит в когнитивной лингвистике к числу ключевых [Lakoff, Johnson 1999].

"Воплощение" в значительной степени является ключом к онтологии языка, предлагаемой в рамках когнитивного подхода. За ним стоит философская идея сущностного единства ментальной и физической субстанций, противоположная дуализму Декарта, считавшего эти субстанции несводимыми одна к другой. Оставляя за пределами нашего рассмотрения данную проблему, выходящую за рамки заявленной темы, заметим только, что отталкивание когнитивно-лингвистического подхода от "картезианской лингвистики" Н. Хомского становится в этом пункте особенно явным. Вне этого контекста специфика предлагаемых когнитивной лингвистикой постулатов и решений рискует остаться в лучшем случае непонятой, а в худшем – искаженной.

Итак, исходным для понятия "воплощение" является положение о том, что мы обладаем специфическим, присущим нашему биологическому виду взглядом на мир ("картиной мира"), репрезентированной естественной языком. И этот наш взгляд на мир в значительной мере продиктован и ограничен природой наших тел, в том числе их нейроанатомической организацией [Evans et al. 2007, 7]. Не случайно сам термин *embodiment* мотивирован значением 'тело' (англ. *body*), ср его украинское соответствие *втілення*, сохраняющее данную мотивацию.

Иными словами, в рамках когнитивного подхода наша интерпретация реальности и знание о ней, создаваемые и воспроизводимые в системе языковых значений, опосредствованы и в значительной мере обусловлены телесной природой человека. "Воплощение" предусматривает онтологическое отсутствие непреходимой границы между телом и душой, между психологией и физиологией, а телесный аспект рассматривается как базовый при осуществлении человеком процессов категоризации мира. В то же время безусловность тезиса о доминировании биологического аспекта ограничивается положением о влиянии на когнитивные процессы и на язык социальных и культурных факторов. Разнообразие телесных ощущений человека, в том числе связанных с дискомфортом, а также особенности их языковой репрезентации представляют с этой точки зрения особый интерес.

В соответствии с результатами недавних исследований, ощущения физического дискомфорта разной степени предаются в языках мира с помощью нескольких концептуальных метафор, доменами-источниками в которых регулярно выступают "горение", "звук", "разрушительные физические действия" и некоторые другие [Бонч-Осмоловская и др. 2009, 9 – 11]. В предлагаемой статье мы попытаемся проанализировать одну из наиболее нетривиальных метафор из этого списка – метафору "звука", в рамках которой физические ощущения человека концептуализируются с помощью глаголов соответствующей семантики.

Материалом для сопоставления послужили данные нескольких близко- и неблизкородственных языков – украинского, польского, сербского и хорватского, французского, хинди. Возможность проведения такого сопоставления появилась вследствие появления коллективной работы, посвященной типологии концепта БОЛЬ в языках различных групп и семей [Брицын и др. 2009]. Примеры из сербского, хорватского, французского и хинди приводятся по данным, содержащимся в статьях этой книги, посвященных соответствующим языкам [Якушкина 2009; Исаева, Резникова 2009; Козлова, Хохлова 2009]. Материал украинского и польского языков частично был описан нами ранее в работе [Яворська 2009].

2. Звуковые предикаты как средство концептуализации телесного опыта. Слова, обозначающие звук, существуют во всех языках. В наиболее общем виде они подразделяются на (1) звуки, издаваемые живыми существами (*крик, смех, лепет, плач, щебет, стрекот*); (2) звуки природы (*шорох, шелест*); (3) звуки предметов-артефактов (*скрежетание, звон*). Данная классификация, в основе которой лежит источник звука и его отнесенность к определенной категории объектов, полезна, в частности, тем, что устанавливает три основных референтных зоны, очерчивающие область поиска прототипа в семантике конкретных лексем. Так, для *шелест* прототипическим будет звук листьев, шумящих на ветру (хотя шелестят не только листья), в то время как прототип для *лепет* – это звуки, издаваемые ребенком. Установление прототипа является одним из приемов описания метафорических употреблений слов, обозначающих звук.

Склонность подобных слов к метафоризации и метонимизации является общераспространенной. Вторичные значения, образующиеся на "звуковой" основе, обнаруживают чрезвычайное разнообразие – способностью звучать наделяются не только явления из смежных сфер сенсорного восприятия, например, зрительного (синестезия): *кричащие краски*, но и из таких отдаленных понятийных полей, как человеческое поведение и социальные нормы: *вопиющий поступок, вопиющее нарушение* и под.

Отдельный семантический класс составляют глаголы звука, которые обладают многими интересными чертами, в частности в плане регулярной метонимизации и метафоризации [Кустова 2004; Падучева 2004]. Детальных исследований подобных глаголов, однако, по-прежнему не хватает. Одной из существенных особенностей их семантики, ранее не привлекавших специального внимания, является регулярное использование подобных слов для характеристики физического самочувствия – как позитивного (укр. *тіло співає, серце бринить від радості*), так и негативного, для ощущения физического дискомфорта (укр. *суглоби ниють, живіт бурчить*). Последних в языке, как всегда, больше, и они семантически бо́лее дифференцированы.

Как установлено в работе [Бонч-Осмоловская и др. 2009], использование глаголов звука для выражения и описания физических ощущений, является типологически частотным. Из этого факта может следовать, в частности, вывод, о когнитивно-психологической значимости "звукового" способа концептуализации телесного опыта. В то же время, распространенность данной метафорической схемы не означает, что она одинаково представлена в разных языках. Именно варианты ее реализаций представляют в лингвистическом смысле наибольший интерес. Ниже мы рассмотрим некоторые из них.

3. Грамматические конструкции. В ходе сопоставительного семантического анализа, направленного на сопоставление указанных конкретно-языковых реализаций, необходимо учитывать грамматику конструкций, связанных с употреблением звуковых глаголов в "телесной" сфере. В рассматриваемых нами языках зафиксированы два повторяющихся типа конструкций со звуковыми предикатами, использующимися для передачи физических ощущений. В первой из них в позиции субъекта выступает название части тела в номинативе (*голова гудит*), во втором используется безличная предложная конструкция (*в ушах звенит*). В хинди используется, наряду с конструкцией первого типа (*уши звенят*), посессивная конструкция (*у него шум в ушах есть*) [Козлова, Хохлова 2009]. Заметим, что последняя семантически коррелирует с русским (*у меня в ушах звенит*).

Семантически значимым является различие между случаями, когда часть тела, связанная с ощущением физического дискомфорта, выступает в роли непосредственного источника звука (ср. *голова гудит – ветер гудит*), и безличными локативными конструкциями, когда в фокусе оказывается место ощущения, а источник звука/неприятного ощущения пребывает за кадром (*в ушах звенит*), является семантически значимым. В первом случае метафорический перенос выступает достаточно отчетливо. В последнем случае (*в ушах звенит vs. звонок звенит*) механизм переноса является более сложным, глагол звука ведет себя нетипично, подстраиваясь под предложные конструкции, использующиеся для описания других неприятных ощущений (*в животе режет, в груди колет* и т.п.) (подробнее об этом см.: [Бонч-Осмоловская и др. 2009]), а орган тела концептуализируется как контейнер.

Следует принять во внимание, что различие между, условно говоря, Что болит? и Где болит?, демонстрируемое номинативной и локативной конструкциями, является типологически значимым. Так, в японском языке "место боли осмысляется именно как участок на теле, а не как самостоятельный предмет, что четко видно по местоимениям: в вопросах о локализации боли употребляется не *nani* 'что', а только *doko* 'где, какое место', в утвердительных предложениях – *koko* 'здесь' (а не *kore* 'это') и другие локативные местоимения" [Костыркин, Панина 2009, 366].

4. Звуковые метафоры. Далее переходим непосредственно к вопросу о семантических переносах, использующихся при описании телесных ощущений с помощью предикатов звука. Два основных их типа таковы. В первом случае, когда речь идет о физических ощущениях, сопровождаемых внешними проявлениями, референция глагола к воспринимаемому акустически звуку сохраняется, глагол остается звуковым в буквальном смысле, но категория источника, с которым связано возникновение звучания, меняется – звуки природы, голосов птиц, неразборчивой человеческой речи,

звуки, издаваемые металлическими, стеклянными и другими предметами, звуки музыкальных инструментов и т.п. переносятся на "поведение" частей и органов тела. Ср. укр. *суглоби хрустять, зуби цокочуть, живіть бурчать*; польск. *stawy (kolana) trzeszczą* 'суставы (колени) трещат', *burczy w brzuchu* 'в животе бурчит'; сербск. и хорв. *stomak zavrja* 'живот бурчит' (букв. 'завывает'), *krči u grudima* 'в груди хрипит'; фр. *mon ventre gargouille* 'мой живот бурлит (булькает)'; хинди *peT guRguRā rahā hai* 'живот булькает'. Эти звуки реальны, в том смысле, что их можно услышать.

Во втором случае происходит перенос от звучания в физическом мире к описанию мира ментального, от звука, обладающего акустическими характеристиками, в область (домен) субъективных телесных ощущений, действительных лишь для того, кто их переживает. Напр. укр. *в голові шумить*; польск. *szumi mi w głowie* 'у меня (букв. мне) шумит в голове'; серб. и хорв. *buči mi glava* 'у меня (букв. мне) голова гудит'; фр. *mes oreilles résonnent* 'у меня в ушах звенит' хинди *kān baj rahe hai* 'в ушах звенит'. Эти звуки недоступны для стороннего наблюдателя, но могут быть вполне реальными для того, кто испытывает соответствующее ощущение.

Показательно, что иногда вопрос о том, является ли звук внутренним или внешним, нуждается в уточнении для того, кто его слышит. Ср., напр., такой диалог на хинди (приведенный в другой связи в [Козлова, Хохлова оп. cit.]): – *kyā tum yah sun rahe ho?* 'Ты это слышишь?' – *jī nahī*, *aur kyā huā?* 'Нет, а что случилось?' – *iskā ārth yah hai kī mere kāno me bhanbhanāhaT* 'Значит, у меня в ушах жужжит'. Совершенную реальность звука для того, кто испытывает соответствующее ощущение, подтверждает и следующий польский пример, в котором гул в ушах вызывает точно такой же результат, как и шум с реальными акустическими характеристиками, препятствующий нормальной слышимости: *Głowa coraz bardziej boli, w uszach huczy, prawie nic nie słycać*. 'Голова болит все сильнее, в ушах гудит, почти ничего не слышно' [Яворская, Хайдер 2009].

Приведенные выше примеры "внутренних" звуков в рассматриваемом материале чаще всего относятся к ощущениям, связанным с двумя частями тела – головой и ушами, что, в принципе, представляется естественным. Однако, как выясняется, этим дело не ограничивается. Напр., такие употребления, как укр. *ноги гудуть, голова тріщит, зуби ниють*, хинди *dā't pinpinā rahā ha* 'зуб ноет (хнычет)' не предполагают ни внешнего звукового выражения, ни звучания, слышимого внутри – речь идет о метафорах, отсылающих к описанию дискомфорта в различных частях тела. Таким образом, по мере отдаления от головы и ушей описание внутреннего физического дискомфорта в терминах звука приобретает все более конвенциональные черты.

5. Особенности звуковой концептуализации физического дискомфорта. Однако сфера собственно языковых конвенций явно затрагивает и вполне "естественные" способы звукового описания физического дискомфорта. Это становится понятным при более глубоком рассмотрении семантики звуковых глаголов с учетом их прототипической мотивации в каждом из сопоставляемых языков. Конкретный источник звука, проглядывающий в исходном значении звуковых предикатов, связывает их с различными фреймами, что, соответственно, позволяет говорить и об отличиях в сфере языковой концептуализации телесного опыта в различных языках.

Действительно, звук музыкального инструмента, вой ветра, бульканье кипящей воды, журчание фонтана, пение птиц, лязганье металлических предметов и т.д. – вот лишь некоторые из прототипических референтов звуковых глаголов, использующихся в домене физических ощущений. За каждым из них стоят звуки с различными не только физическими (тон, высота и т.п.), но и когнитивно-семантическими характеристиками. При этом то, что выглядит вполне "естественным" в одном языке, для другого оказывается вполне чуждым.

Существенно, что в рассматриваемых языках отмечаются и заметные количественные отличия в области звуковых глаголов, способных описывать телесную сферу. Наиболее "богатым" в этом отношении является хинди, насчитывающий 20 звуковых предикатов, метафорически использующихся для описания физического дискомфорта [Козлова, Хохлова 2009, 261], далее, в порядке убывания, следуют сербский и хорватский, имеющие по 13 подобных предикатов [Якушкина 2009, 140], украинский – от 9 до 12 по разным данным [Яворська 2009, Зимовец 2009, 72], затем следует польский – 9 [Яворская Хайдер 2009, 124], и французский, наиболее "бедный", в котором таких глаголов всего 4 [Исаева, Резникова 2009, 215].

Способность "звучать", как правило, приписывается не телу в целом, а отдельным частям и органам, таким как голова, ноги, суставы, зубы, живот и др. В рассматриваемых языках количество и набор "звучащих" частей тела варьирует. При этом отсутствует корреляция между общим количеством звуковых предикатов и шириной сочетаемости с названиями частей тела.

Так, семантической особенностью сербского и хорватского языков является заметное преобладание глаголов, обозначающих природные звуки и отсылающих к шуму ветра и воды (*bučati*), резким немелодичным звукам, издаваемым животными и птицами (*pištati*, *šišati*), насекомыми (*zujati*), завыванию ветра и животных (*zavijati*). При этом, несмотря на значительное количество и семантическое разнообразие звуковых глаголов, использующихся в сфере дискомфортных телесных ощущений, их сочетаемость ограничена – большинство из них описывает шум в ушах и в голове, а также называет звуки, связанные с неприятными ощущениями в животе. Кроме того, наблюдается довольно четкое, не пересекающееся распределение звуковых предикатов, относящихся, соответственно, к описанию шума в голове, в ушах, и в животе [Якушкина, *op. cit.*].

То же в определенной мере можно сказать и о хинди. При необыкновенно тонкой дифференциации характера звучания в семантике многочисленных звуковых предикатов, набор частей тела, к которым они относятся, относительно невелик – это, прежде всего, голова, уши, живот. Например, предикаты, различающие в своем исходном значении "звонкий, ясный звук, отчетливо слышимый в пении птиц, пищании комаров, стрекотании цикад, кузнечиков" (*gūrjñā*), "жужжание таких двукрылых насекомых, как мухи, шмели, пчелы, осы, а также комары" (*bhanbhanānā*), громкий, сильный резкий звук, как крик павлина, попугая (*jhaⁿkārñā*) в телесной сфере связаны только с передачей ощущений в ушах [Козлова, Хохлова, *op. cit.*]. Интересно, что даже предикат звука, связанного с обозначением хруста и треска, в хинди используется не для описания хруста суставов, как в украинском и в польском, а для обозначения ощущений в ушах: *kān meⁿ kaRkaRāhaT ho rahī hai* 'в ухе

трещит'. Необычайно разнообразны в хинди и способы описания вариантов "бульканья" в животе, начиная от конструкций, в исходном значении обозначающих звук при погружении емкостей в воду (*gaR-gaR/guR-guR honā*), и заканчивая звуком, прототипически отсылающим к бульканью кипящей чечевичной похлебки и подобных кушаний (*khadbadānā* 'кипеть, бурлить'). По сравнению с сербским и хорватским, а также украинским, хинди отличается использованием в исследуемой семантической зоне физического дискомфорта значительного количества звуковых предикатов, отсылающих к звучанию артефактов, таких как звон оружия, звук ударов молота, лязганья металлических предметов, при относительно незначительном количестве слов, связанных в исходном значении, например, с шумом ветра.

Правда, набор частей тела, к которым применимы звуковые предикаты, в хинди, по сравнению с сербским и хорватским, все же несколько шире – они возможны при описании зубной боли (здесь используется глагол *pinpinānā* 'хныкать'. Ср. русск. *зуб ноет*, укр. *зуб ниє*).

А вот количественно сопоставимый в отношении звуковых глаголов с сербским и хорватским украинский язык отличается в этом плане весьма широкой сочетаемостью. Так, кроме головы, живота и ушей, в украинском языке могут "звучать" суставы и конечности (*ноги гудуть*, *суглоби стогнуть*), с помощью звуковых глаголов украинские информанты описывают ощущения в затылке при повышенном давлении (*у потилиці цокає*), хорошо известно сочетание *зуби ниють* и т.п. В польском языке способность "звучать", кроме головы (*huczeć w głowie*), желудка и ушей, приписывается также зубам, позвоночнику, коленям (об ощущениях, имеющих внешние звуковые проявления).

Французский язык в этом смысле отличается тем, что при весьма ограниченном количестве звуковых предикатов, использующихся в сфере физических ощущений, ограниченным же является и набор частей и органов тела, к которым они применимы (голова, уши, живот). Подобно как в хинди, бурчание в животе передается во французском с помощью глагола, обозначающего (и изображающего) звук булькающей воды – *gargouiller*, хотя прототипом для него является не кипящее кушанье (как в хинди), а журчание воды в водопроводных стоках и в фонтанах.

6. Глаголы неразборчивой речи. Весьма своеобразным "звуковым" поведением в языках мира отличается живот. Несмотря на то, что звуки, связанные с данной частью тела, точнее с внутренними органами брюшной полости, вполне акустически реальны, способы их обозначения в разных языках обусловлены не физиологически, а культурно-лингвистически. Рассмотрим в этой связи одну из регулярных и повторяющихся в различных языках метафор для обозначения звуков в животе (кишечнике, желудке), связываемых с ощущением голода и другими причинами. Речь идет о глаголах неразборчивой речи, которые переносно обозначают подобные дискомфортные ощущения и проявления во всех рассматриваемых нами языках, за исключением французского – укр. *бурчати*, польск. *burczeć*, хинди *budbudānā* 'бормотать, невнятно говорить'. В определенной степени к ним примыкает серб. и хорв. *urlati* 'выть, громко кричать', употребляющееся и для характеристики бессвязной аффективной речи.

В украинском языке живот, по-видимому, проявляет особую "разговорчивость". По ответам украинским информантов, кроме *живіт бурчить* (вар. *у животі бур-*

чить), с глаголом неразборчивой речи *бурчати*, отсылающим к выражению недовольства, зафиксированы также употребления с другими "речевыми" предикатами. Напр., *живіт озивається* (прямое значение *озиватися* – "отвечать на оклик; обратиться"). Среди ответов нами зафиксирован и такой вариант с глаголом неразборчивой речи – *живіт бамакає*. Ср. также *живіт ноїть і вурчить*.

Показательно, что весьма употребительное в сфере телесного дискомфорта слово *нити* в одном из своих не прямых значений тоже связано с речью, означая 'навязчиво выпрашивать что-л.'. Впрочем, в украинском языке, как показывают ответы информантов, живот может не только говорить, но и петь: *від голоду живіт співає*.

В польском языке наиболее употребителен для описания этого типа дискомфорта глагол неразборчивой речи *burczeć* 'бурчать, брюзжать': *burczy mi w brzuchu* 'У меня в животе бурчит (бурчит мне (Dat.) в животе)'. *Na lekcjach burczy mi w brzuchu* 'На лекциях у него (ему) бурчит в животе'. Глагол *burczeć* используется, кроме того, для обозначения звука мотора (т.е. "внутренностей" машины), как правило, в тех случаях, когда мотор работает слишком громко, с дополнительным шумом, сигнализирующим про возможную неисправность (ср. с другой мотивацией русск. *мотор стучит*).

В домене боли польский глагол *burczeć* употребляется преимущественно в безличной конструкции, но возможна также и личная конструкция с экспериенцером в дательном падеже, когда живот выступает в роли субъекта в номинативе: *brzuch mi burczy* букв. 'живот мне бурчит'. На этой основе возникает возможность персонификации в рамках языковой игры: *Brzuch mi burczy, bo myślę, że jest pepkiem organizmu. Ja ciągle gadam, bo myślę, że mogę być pepkiem ciebie*. 'Живот мне брюзжит, потому что думает, что он – это пуп организма. Я все время что-то говорю, потому что думаю, что могу быть центром (пупом) тебя'.

Следует отметить, что в польском живот (кишки) тоже обладает "музыкальными" возможностями, правда, в отличие от украинского (*живіт співає*), речь идет не о вокале, а об инструментальной музыке. Ср. фразеологизм *kiszki komuś grają marsza* 'кишки кому-л. играют марш' (от голода): *Kiszki mi marsza grają, a w lodówce pusto*. 'Кишки играют мне марш, а в холодильнике пусто'.

В сербском и хорватском в подобных случаях употребляется глагол громкой речи *urlati*, обозначающий громкое звучание человеческого голоса при речи и пении, а также громкие пронзительные звуки ветра: *vetar urla* 'ветер воет' [Якушкина, ор. cit.]. Таким образом, во всех этих случаях звуки, связанные с неприятными ощущениями в животе, концептуализируются как речевой сигнал, а животу – в номинативных конструкциях, когда он выступает в роли грамматического субъекта – приписывается метафорическая способность говорить.

6. В заключение предлагаются следующие краткие выводы. Во-первых, можно надеяться, нам удалось подтвердить общее предположение о когнитивно-психологической значимости "звукового" способа концептуализации физического дискомфорта и описать некоторые ее модели. Во-вторых, в ходе проведенного сопоставительного анализа обнаружился принципиально условный, конвенциональный характер семантических связей, которые – особенно в перспективе одного языка – представляются "естественными" и тривиальными. Таким образом, описание физических ощущений в терминах звука продиктовано не только тем, что че-

ловек ощущает "на самом деле", но и устойчивыми способами репрезентации телесного опыта, которые предлагает его язык.

У статті розглянуто деякі питання мовної концептуалізації тілесних відчуттів, що здійснюється за допомогою "звукової" метафори. Зіставлена семантика звукових предикатів, що вживаються для опису відчуттів фізичного дискомфорту в українській, польській, сербській, хорватській, хінді та французькій мовах. Виявлено основні типи концептуальних метафоричних схем.

Ключові слова: когнітивна семантика, втілення, концептуальна метафора, дієслова звуку.

The article subject matter is the language conceptualization of bodily perception in terms of sound metaphor. The author compares sound verbs in Ukrainian, Polish, Serbian, Croatian, French, Hindi in the context of the recurrent semantic models. The main types of metaphoric schemata are revealed. The first one preserves acoustic properties of sound emission modifying the source domain. The second pattern is based on mapping from physical reality to mental state domain.

Key-words: cognitive semantics, embodiment, conceptual metaphor, sound verbs.

Література:

1. Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – 420 с.
2. Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.8–27.
3. Зимовец Г.В. Глаголы боли в украинском языке // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.66–109.
4. Исаева Е.В., Резникова Т.И. Предикаты боли во французском языке // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.210–223.
5. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
6. Козлова Е.В., Хохлова Л.В. Метафоры боли и неприятных ощущений в языке хинди // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.229–280.
7. Костыркин А. В., Панина А. С. Лексика боли в японском языке // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.365–392.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
9. Яворская Г.М., Хайдер Т.В. Глаголы боли в польском языке // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С.110–134.
10. Яворська Г.М. Звучання болю (українські та польські паралелі й розходження) // Магістр гри слова. Філологічні дослідження, присвячені 60-річчю професора Флорія Сергійовича Бачевича / Уклали Оксана Ясіновська, Лідія Сваричевська / Львівський національний університет імені Івана Франка. – Луцьк: ПВД "Твердиня", 2009. – С. 409–421.
11. Якушкина Е.И. Глаголы боли в сербском и хорватском языках // Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго. 2009. – С. 134–153.
12. Evans V. Bergen B.K., Zinken J. The Cognitive Linguistics Enterprise: An Overview // Vyvyan Evans, Benjamin K. Bergen and Jörg Zinken (Eds). The Cognitive Linguistics Reader. – Equinox Publishing Co. 2007. – P. 1–36.
13. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. University of California, Berkeley, and University of Oregon New York: Basic Books, 1999.